

СЕРГЕЙ МИНАКОВ

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ГЕНЕРАЛ
ВЕНЕДИКТ ЗМЕЁВ
НАЧАЛО РОССИЙСКОЙ
РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ

Сергей Тимофеевич Минаков Первый русский генерал Венедикт Змеёв. Начало российской регулярной армии

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38564842

*Первый русский генерал Венедикт Змеёв. Начало российской регулярной
армии / С.Т. Минаков.: Русская книга; Москва; 2017
ISBN 978-5-906914-76-7*

Аннотация

Книга «Первый русский генерал Венедикт Змеёв. Начало российской регулярной армии» посвящена научному исследованию жизнедеятельности выдающегося русского военачальника и государственного деятеля второй половины XVII века, организатора, воспитателя и боевого командира первых регулярных частей российской армии – «полков нового строя». Именно с него незримо началось формирование архетипа русского военачальника «из солдат», воплотившегося позже в полной мере в великом А. В. Суворове. В книге достаточно детально излагаются и анализируются события бурной российской истории второй половины XVII века. В контексте основной линии исторического исследования специальное внимание уделяется формированию военной

элиты нарождающейся регулярной русской армии, появлению территориальной военно-административной системы в России, будущих военных округов.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	25
Венедикт Андреевич Змеёв	25
Московский рейтарский полк Исаака ван Бокховена	29
Герой штурма Кокенхаузена	49
Рейтарский полковник Змеёв в сражении под Конотопом	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Сергей Минаков
Первый русский генерал
Венедикт Змеёв.
Начало российской
регулярной армии

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

Пролог

«Русский бог» Венедикта Змеёва и Александра Суворова

«Язык – жилище бытия», – афористически заметил философ. Мы живем в мире слов, делающих нашу жизнь понятной, осмысленной даже в тех случаях, когда мы не всегда правильно понимаем значение того или иного, чаще всего неведомого нам доселе слова «иноземного» происхождения. Освоение «инородных» слов в «русском мире» происходит прихотливо, порой в причудливом их «обрусении»: и внешне, деформируясь в произношении, и внутренне – по смыслу и по содержанию.

...«Думный генерал Венедикт Змеёв» – странно-необычный воинский чин, неожиданный для русского XVII в. Повстречалось мне много-много лет назад это причудливо-нерасчленимое вербальное явление в слиянии старомосковской, допетровской полуфольклорной архаики с европейской романтикой мушкетерских шпаг, старинных гравюр эпохи Тридцатилетней войны, маршала Тюренна, битвы при Рокруа, картин Вермейера и пр.

Еще лишь розовеют небеса,
И в сумерках еще кремлевская краса,

Но в карканье разбуженных ворон
Уж слышен колокольный перезвон.
В Успенском храме, за столбами,
Перед святыми образами,
Мерцающими в сумраке ночном,
В дыханье ладана и запахе свечном,
Стояли юный царь Феодор Алексеич,
Царевич Петр, Иван-царевич.
Дородна, статна, горделива,
Взор устремив властолюбиво,
Царевна Софья – как царица.
Под царственной двуглавой птицей
Ее любовник – князь Голицын.
С ним рядом ближний друг его стоял:
Московский думный генерал —
Царя «тишайшего» любимец,
Военных дел умелец и счастливец,
В молении склонясь (не слышно слов),
«Рейтар служилый» – Венедикт Змеёв.
...В свечах у алтаря Христос Распятый...
А было то в июне, в день шестой,
В год тысяча шестьсот восьмидесятый¹.

Всегда проще писать о людях известных, хрестоматийно узнаваемых. Когда же в фокусе внимания оказывается личность, практически неведомая нашим соотечественникам, но, несомненно, исторически значимая, начинать приходится с сугубо внешнего привлекающего признака.

19 декабря 1674 г. в Дворцовых разрядах была сделана запись: «...столнику и енералу и полковнику Венедихту Андрееву сыну Змеёву... быть готовым со всею службою»². Так, впервые в официальных государственных документах оказалось упоминание о первом русском «служилом человеке» Венедикте Андреевиче Змеёве, пожалованном в высший «иноземный» воинский чин «генерала». Именно с него, наверное, и можно начинать историю русской национальной профессиональной военной элиты.

В феврале 1678 г. В.А. Змеёв был пожалован в необычный, можно сказать диковинный, и для России, и для Европы чин «думного генерала»³, специально для него придуманный и введенный в шкалу чинов Боярской думы – российского правительства того времени. А к 1689 г. в правительстве князя В.В. Голицына генерал Змеёв, по свидетельству польского посланника маркиза де ла Невилля, «в армии был генерал-комиссаром...»⁴ – по западноевропейским меркам того времени – военным министром⁵.

Генерал Змеёв оказался и фактическим главнокомандующим русской армии, отправившейся в поход на Крым в 1689 г. (в дальнейшем я попытаюсь осуществить анализ этого события и дать ему взвешенную оценку, которая не во всем совпадает с традиционным мнением, сложившимся в историографии). Этот поход, спровоцировав государственный переворот царя Петра – важнейшее событие эпохи – как

и все вышесказанное, вполне естественно, обращает наше внимание на личность Змеёва.

Венедикт Андреевич Змеёв (условное изображение)

Фигура думного генерала Венедикта Змеёва символична, и не только для эпохи «вестернизации» Московского государства. Обозначившаяся с середины XVII в. «вестернизация» России, первоначально робко проникая в социокуль-

турные, социально-политические, психокультурные ее «пустоты», с конца указанного столетия приобрела уже радикально-революционный характер благодаря мощной личности царя Петра, его вдохновенному самовластию, энергии, прихоти, порой и самодурству.

Малоизвестная ныне личность генерала Змеёва на самом деле является и одним из символов двух присущих российской цивилизации, можно сказать «пульсирующих», явлений – «перманентные революции», время от времени потрясающие Россию на протяжении всей ее истории, и столь же «перманентное» обострение проблемы «Россия и Европа», «Россия и Запад». Впрочем, оба этих явления, как правило, оказывались в органичной взаимосвязи. «Перманентное» влечение России в Европу и увлечение Европой доходило неоднократно до самозабвенной и самоотверженной (в буквальном смысле этих слов) влюбленности, как правило без взаимности. Однако незаметно, но столь же «перманентно» оно перерастало во взаимное недоверие, неприязнь, неприятие, ментальную враждебность и неоднократно в ожесточенное противостояние. И это противостояние чаще всего порождало очередной поиск новой, обычно «великодержавной», идентификации.

Таким образом, «думный генерал» Змеёв оказался в фокусе эпохи «революционных преобразований» России второй половины XVII – первой четверти XVIII вв., не только в качестве одной из знаковых фигур эпохи, но даже в разно-

речивом, старорусски-европейском смысле своего воинского чина – «думный генерал».

В.А. Змеёв был первым русским «генералом» из «солдат», из русских «служилых людей» «регулярной рейтарской службы». Именно с него незримо началось формирование «архетипа» русского военачальника «из солдат», много позже емко и выразительно «расшифрованного» М.Ю. Лермонтовым: «слуга царю, отец солдатам».

В своем завершенном, наиболее ярком проявлении эти архетипические свойства русского «генерала из солдат», Солдата с большой буквы, воплотились в великом А.В. Суворове.

Александр Васильевич Суворов

Не мушкетер он короля,
Герой плаща и шпаги,
Готовый обнажить ее в безумии отваги.
Был не хитер, как Мазарен,
Но постоянен, как Тюренн,
Он женских нежных при Дворе
Не привлекая взоров,
В России был всего один —

Солдат и русский дворянин,
Он – Александр Суворов!⁶

«...Долговременное мое бытие в нижних чинах, – писал А.В. Суворов своему высокому начальнику и покровителю, – приобрело мне грубость в поступках при чистейшем сердце и удалило от познания светских наружностей; препроводя мою жизнь в поле, поздно мне к ним привыкать»⁷.

И вновь он объясняет несветские черты своего характера солдатским воспитанием. «Жизнь моя была суровая школа, – признается он, – но нравы невинные и природное великодушные облегчали мои труды: чувства мои были свободны, а сам я тверд»⁸.

Казалось бы, несопоставимые военные величины – великий Суворов и малоизвестный ныне первый русский генерал Венедикт Змеёв, но именно с него неприметно начинался великий русский полководец-солдат. Ничтожно мало дошло до нас сведений о свойствах личности, привычках, характере, мировоззрении генерала Змеёва. Поэтому анализ психоментальной сущности Суворова позволяет попытаться проникнуть и в ментальные основы его «прообраза», генерала Змеёва.

«В упорных и решительных сражениях, – пересказывал Е. Фукс размышления самого Суворова, – бывают такие минуты, когда обе стороны, по невольному действию сердца человеческого, ощущают слабость средств своих, бесполез-

ность напряжений и сил истощения. Наблюдение сей единственной минуты доставляет успех и славу. Суворов одним взором усматривал движение рядов и душ русских воинов. К сей минуте нравственного ослабления у него был всегда запас. В самом жару сражения под неприступными высотами Нови Суворов увидел сие расположение душ; немедленно отдал приказ к нанесению неприятелю последнего удара и, когда все войска двинулись, герой сказал: «Велик Бог Русский! – Я победил Моро!»⁹.

Словосочетание «русский бог» обычно приписывается Мамаю после его поражения в Куликовской битве. Хотя встречается оно еще в письменных древнерусских памятниках XI–XII вв.¹⁰

Религиозное мироощущение Змеёва и Суворова выражалось во всей совокупности христианско-православной психоментальности, в органично-нерасчленимом единстве вероучения, церковно-православной обрядовости, всего образа жизни обычного, традиционного по духу и мыслям своим русского человека, со всеми его бытовыми привычками, суевериями и предрассудками. В этом мироощущении было все, что питало психоментальные свойства и особенности русского человека как явление духовное, этнокультурное, этнорелигиозное и психокультурное – во всей его исторически сложившейся, духовно-нравственной целостности. Русско-православное мировосприятие формировалось в исторически сложившейся духовной автономизации России, в

суровых условиях многовекового выживания, в вынужденном отрыве от остального христианского мира, особенно в мирской религиозно-обыденной повседневности. Ее исчерпывающая была обусловлена ее «заземленностью», сугубо «русским историзмом» в мировоззрении русского человека. Все это и стало народным «русским богом» – «символом веры» и подлинным «естеством» Суворова и, уверен, его «прообраза», думного генерала Змеёва.

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движенье вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух, всюду сущий и единый!
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем – бог!
...Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавший все единым словом,
В творенье простираясь новым,
Ты был, ты есть, ты будешь век!¹¹

Г.Р. Державин, близкий и лично, и по своей ментальности к Суворову, так выразил свое, думаю, и его религиозное ми-

рооощущение. Уверен – и мирооощущение «первого русского генерала» XVII в. Венедикта Змеёва.

Повторюсь: «язык – жилище бытия». Суворовский русский язык лаконичен и архаичен. Он сложился в привычной и естественной для него русской солдатской среде, народной по своему происхождению и «допетровской» по бытовым и языковым привычкам. По стилистике и смыслам суворовских писем он близок к русскому языку Венедикта Змеёва. В употребляемых им словах и выражениях звучит первоначальный, буквальный смысл тех или иных русских слов, восходящий к XVI–XVII вв., который к концу XVIII в. в речевой практике образованной, тем более светской, части русского общества изменился, деформировался, приобрел несколько иное содержание.

Через неделю после своей блестящей победы над турецким войском на р. Рымник в своем письме Суворов просит светлейшего князя Г.А. Потемкина: «Дайте дорогу моему простодушию, я буду вдвое лутче, естество мною правит...»¹² «Естество» и «простота души», заложенные в нем «русским богом» – «русским народным богом». Потому-то, вспоминая впечатление английского генерала Р.Т. Вильсона, находившегося при штабе Кутузова, «дух Суворова витал над русской армией» в 1812 году.

«Герой, – по мнению М. де Унамуну, – это индивидуализированная коллективная душа народа: его сердце бьется в унисон с сердцем народа, но его ощущения более субъектив-

ны; это прототип народа и его воплощение, духовная суть народа. И нельзя сказать, что герои ведут народ за собой – нет, герой – это сознание и словесное выражение народных стремлений»¹³. Так мыслил и Л.Н. Толстой.

В контексте этих размышлений интригуют строчки А.С. Пушкина в сохранившемся фрагменте 10-й главы его «Евгения Онегина».

...Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?¹⁴

Пушкин не боится быть ироничным и одновременно серьезным, указывая основные пути поиска причин победы России над военным гением Наполеона в 1812 году. И завершает этот фрагмент следующими строчками:

Но бог помог, стал ропот ниже,
И скоро силою вещей
Мы очутились в Париже,
А русский царь – главой царей¹⁵.

Логика пушкинского текста подталкивает нас к догадке, что помог-то именно «русский бог», потому что о другом-то «боге» в тексте речи не было. И судя по его сугубо земной этнокультурной природе – «русский», – Пушкин вряд ли от-

носил его к «небесным факторам».

В эпоху Николая I словосочетание «русский бог», оказавшись в официальном государственном лексиконе, вызывало иронию и сатирическое осмысление со стороны образованной, а следовательно, в той или иной мере «западнически» вольномыслящей части российского общества.

Нужно ль вам истолкованье,
Что такое русский бог?
Вот его вам начертанье,
Сколько я заметить мог, —

задавался вопросом и следом отвечал на него близкий друг Пушкина, известный в те годы русский поэт П.А. Вяземский в своем сатирическом стихотворении «Русский бог»¹⁶:

Бог метелей, бог ухабов,
Бог мучительных дорог,
Станций — тараканьих штабов,
Вот он, вот он, русский бог.
Бог голодных, бог холодных,
Нищих вдоль и поперек,
Бог имений недоходных,
Вот он, вот он, русский бог.
...К глупым полн он благодати,
К умным беспощадно строг,
Бог всего, что есть некстати,

Вот он, вот он, русский бог.
Бог всего, что из границы
Не к лицу, не под итог,
Бог по ужине горчицы —
Вот он, вот он, русский бог¹⁷.

Надо сказать, что это стихотворение П.А. Вяземского, не предназначенное им для печати, было весьма широко распространено среди образованной и читающей русской публики. Разумеется, его знал и Пушкин. Суть этого «русского бога» достаточно ясно выражена в строчках: «к глупым полн он благодати, к умным беспощадно строг, бог всего, что есть некстати, вот он, вот он русский бог; бог всего, что из границы, не к лицу, не под итог, бог по ужину горчицы – вот он, вот он русский бог» и т. д.

«Русский бог» Вяземского выражает цивилизационно-культурный абсурд, заложенный в самой сущности России. Природная суровость, бытовая скудость, бездорожье, обреченная неустроенность, беспорядок, неопрятность, бытовое неудобство, повседневная безалаберность, кажущаяся бессмыслица во всем, исконный, неисправимый, прирожденный России (вспомним суворовское «естество») обыденный иррационализм, не свойственный западноевропейскому духу и интеллекту – «вот что значит русский бог» – сущность России. Парадоксально-нелепое сочетание европейских и дремучих старомосковских, даже первобытных тра-

диций и привычек, всевозможные нелепости и несуразностей, в общем, «все, что некстати» (неожиданно, неразумно, вдруг, незапланированно) для европейца, привыкшего к торжеству рациональной прагматичности, «регулярности» бытия и государственного и повседневно-обыденного, продуманного бытового комфорта.

Европа, воплотившаяся в Наполеоне, впервые вторгшаяся в Россию после ее «вестернизации», неожиданно и непредвиденно вступила в войну с самим «русским богом» – всем тем, «что есть некстати». И ирония Пушкина неощутимо преобразается в его фундаментальное историософское умозаключение.

«Поймите же и то, – пишет Пушкин в одной из своих статей, будто подытоживая сказанное выше, – что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою; что история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада»¹⁸.

Но вот что очевидно диссонирует с «русским богом» Змеёва и Суворова. «Когда я спросил однажды у него, – писал его отцу ротный командир капрала л-гв. Семеновского полка А.В. Суворова, – отчего он не водится ни с одним из своих товарищей, но даже избегает их общества, он отвечал: “У меня много старых друзей: Цезарь, Аннибал, Вобан, Кегорн, Фолард, Тюренн, Монтекукули, Ролен... и всех не вспомню. Старым друзьям грешно изменять на новых”»¹⁹.

Среди «старых друзей» Суворова, как мы видим, нет ни одной русской фамилии. И Суворов отвечает почему: «Наука просветила меня в добродетели, – “расшифровывает” Суворов позднее свои идеалы, сложившиеся, благодаря “науке из книг”²⁰, благодаря именно “европейской учености”, – я лгу, как Эпаминонд²¹, бегаю, как Цесарь, постоянен, как Тюренн, и праводушен, как Аристид»²².

«Великий Тюренн» в восприятии Суворова, исповедовавшего «русского бога», наиболее полно и выразительно воплощал в себе «ученую» Европу, просвещавшую его «в добродетели». Погибший на поле битвы, как подобает солдату и полководцу в 1675 г., «Великий Тюренн» был тоже «богом», «земным богом войны» европейских и русских полководцев последней четверти XVII–XVIII вв.²³ Уже к концу XVII в. в Европе сложился настоящий «культ Великого Тюренна»²⁴.

Суворов любил сравнивать себя с Тюренном²⁵, и ему нравилось, когда это делали окружающие, называя его «росским Тюренем»²⁶. «Великий Тюренн», по-своему прочитанный в книгах и осмысленный Суворовым, был принят им для себя и, по существу, им же самым выстроен как нравственно-поведенческий «архетип Тюренна». Ярko, емко и точно выразил его русский солдат в поэтической формуле М.Ю. Лермонтова:

Полковник наш рожден был хватом,

Слуга царю, отец солдатам,
Да жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.²⁷

«Прообраз» русского полководца-солдата Суворова обозначился явлением «первого русского генерала Венедикта Змеёва». Своего рода «архетип Суворова», «архетип» русского военачальника, незримо вырос из причудливой, полуфольклорной смеси старомосковской архаики с проникавшей в нее Европой под названием «думный генерал Венедикт Змеёв».

Никаких прямых свидетельств об отношении генерала В.А. Змеёва к «великому Тюренну» не сохранилось. Однако весть о гибели «великого Тюренна» дошла в ту пору и до далекой России, в которой его знали еще с первой половины XVII в.²⁸

«...В понедельник, 16 сентября (1675 г.), пришли в Архангельск письма из Москвы... – писал молодой участник голландского посольства Балтазар Койет. – Эти же письма сообщили, что Тюренн разбит немцами и что сам он пал. 18-го мы получили через Москву куранты из Голландии, подтверждавшие смерть маршала Тюренна»²⁹, а «в воскресенье, 6 октября, утром около 7 часов... как только мы подошли к берегу... и развели огонь ...заодно зажгли 3 или 4 старых развалившихся строения ...чтобы отпраздновать победу императорских войск и смерть Тюренна...»³⁰.

Для голландцев гибель маршала Тюренна была большим торжеством: погиб один из самых опасных врагов Соединенных Штатов Нидерландов. Видимо, гибели Тюренна придавали большое значение и в российском Посольском приказе, куда в первую очередь поступали сведения о европейских событиях, включавшиеся затем в так называемые «вести-курранты», полученные и голландцами.

Будущий ближайший друг царя Петра, подполковник, а затем и полковник Ф. Лефорт в течение почти трех лет, с 1687 по 1690 гг., служил в 1-м Московском рейтарском полку генерала В.А. Змеёва, будучи его помощником³¹. Близкое знакомство с общительным и обаятельным швейцарцем наверняка расширило представления старого русского генерала о состоянии военного дела в Западной Европе. Лефорт, конечно же, поведал ему и об известных в то время, выдающихся западноевропейских полководцах, прежде всего о «великом Тюренне». Ведь до приезда в Россию и поступления в русское войско Лефорт уже успел ок. полутора лет, с весны 1674 до лета 1675 г., прослужить в голландской армии, воевавшей против Тюренна в ходе войны 1672–1678 гг.³²

Генерал П. Гордон, весьма живо интересовавшийся военными и политическими делами в Европе, информированный и «книжный человек», находившийся с генералом Змеёвым в близких приятельских отношениях, наверняка поведал ему все, что знал о «великом Тюренне».

Но «слуга царю, отец солдатам» генерал Змеёв, пожалуй,

лучше и раньше других в России XVII в. понял, что без европейской «книжной науки» о «регулярном воинском строе» добрая служба православному государю невозможна. Поэтому-то, как лучший ее знаток и лучший командир «регулярного русского войска», он и был удостоен высшего «регулярного» воинского чина – «генерала».

Признанный великим полководцем в общеевропейском масштабе, Суворов был удостоен высшего «полководческого титула» – титула «Тюренн». Змеёв, за сто лет до этого, когда «культ великого Тюренна» еще только начал формироваться, признанный лучшим русским военачальником европейского уровня, был пожалован в «генералы». Возведение его в высший ранг «генеральского достоинства» в России того времени, в чин «думного генерала», специально для него учрежденный, как бы буквально следует умозаключению Наполеона Бонапарта: «Генерал – это самый умный из храбрых».

Глава 1

Рейтарский полковник

Венедикт Андреевич Змеёв

Змеёв (Змиев, Змеов, Змеіов) Венедикт Андреевич (ок. 1618–1697) происходил из старинного, но не знатного русского дворянского рода. Сам он подписывал свою фамилию в соответствии с тогдашней русской орфографией – «Змеов», делая ударение на последнем слоге. Это подтверждается и текстом дневника генерала П. Гордона, тесно общавшегося с генералом: он писал его фамилию как «Ismeyow»³³, т. е. «Змеёв». Другой служилый иноземец, также близко общавшийся с генералом Змеёвым, небезызвестный Ф. Лефорт, произносил и писал фамилию генерала как «Ismayoff»³⁴, т. е. почти так же, как и Гордон, – «Змеёв». Поэтому правильное (по тем временам) произношение и написание его фамилии было «Змеёв».

Имя первого русского генерала – «Венедикт» – тоже сравнительно редко встречалось в тогдашнем российском именослове. Потому московские канцелярские служители, приказные дьяки не всегда точно его воспроизводили – чаще писали его «Веденихт».

Змиевы, или Змеёвы – русский дворянский род одного происхождения с Беклемишевыми, Козловыми, Щепотьевыми, Шулепниковыми, Княжниными и Орловыми. Предок их, муж честен Лев Иванович, выехал, по сказаниям древних родословцев, из Пруссии к великому князю Василию Дмитриевичу (конец XIV – начало XV в.). Его потомок в 6-м колене, Федор Васильевич Беклемишев-Змий, был родоначальником Змиевых, или Змеёвых. Позднее род Змеёвых был внесен в VI, II и III части родословной книги Московской, Воронежской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской и Ярославской губерний. В.А. Змеёв был одним из семи братьев, сыновей Андрея Афанасьевича Змеёва (ум. 1649), отмеченного в документах жильцом в 1613 г., вотчинником села Бунезина Старицкого уезда в 1624 г. и головой у городских дворян в 1632 г.³⁵

Ни дата рождения, ни дата смерти генерала Змеёва в документах не сохранились. Известно, что последний раз он упоминается в официальных документах 21 февраля 1697 г.³⁶ Скорее всего, В.А. Змеёв и умер в том же 1697 г., очевидно в силу преклонного возраста или болезни. Косвенным указанием на его болезнь можно считать его отставку в мае 1696 г., перед 2-м Азовским походом, а затем отсутствие его в течение почти года на публичных придворных мероприятиях: на всевозможных дворцовых торжествах, церемониях, церковных праздниках, в «царских походах» по монастырям. Поэтому имеется достаточно оснований считать, что В.А. Зме-

ёв умер в 1697 г., после указанной выше даты, 21 февраля. Что касается даты его рождения, то этот вопрос требует более пространного рассмотрения.

Самое первое упоминание В.А. Змеёва в документах относится к 1646/1647 г. В Боярской книге за 7155 (1646/1647) г. говорится об «окладе ему с придачами поместном 750 четьей, денег 40 рублей»³⁷. Речь идет о «поместном окладе с придачами». Таким образом, 1646/1647 г. не является начальной датой службы Змеёва, а лишь фиксирует в «Боярской книге» 1646/1647 г. общую величину полученного им начального «поместного оклада» с последующими «придачами» (добавками) к нему, сделанными к указанному 1647 году. Следовательно, сама служба началась по меньшей мере за несколько лет до 1646/1647 г. К этому времени В.А. Змеёв за свою, видимо, усердную службу успел получить не только поместный оклад, но еще и «придачи» к первоначальному поместному окладу.

В то же время в Боярской книге 1639 г. В.А. Змеёв еще не упоминается как служилый человек, получивший поместный оклад. Но в этой книге упоминаются его братья: Змеёв Иван Андреевич, Змеёв Прокофий Андреевич, Змеёв Федор Андреевич и Змеёв Яков Андреевич (перечисление дается в порядке, определенном в тексте Боярской книги 1639 г.)³⁸. Эти детали я привожу затем, чтобы уточнить порядок старшинства братьев для установления приблизительной даты рождения В.А. Змеёва. Дело в том, что сведения о родослов-

ной этой ветви Змеёвых, которые даны в родословной книге Руммеля, не во всем точны. В частности, думается, что порядок старшинства братьев Змеёвых, указанный Руммелем, не совсем верный. В частности, он считает В.А. Змеёва третьим из братьев по возрасту, а Ивана Андреевича Змеёва – пятым. Однако в Боярской книге 1639 г. И.А. Змеёв уже отмечен, в то время как в списке этой книги не указаны ни В.А. Змеёв (3-й из братьев по Руммелю), ни Б.А. Змеёв (4-й из братьев по Руммелю). Поэтому надо полагать, что В.А. Змеёв был не третьим, а скорее пятым из братьев, поскольку у Руммеля не упомянут еще один из старших братьев Змеёвых – Федор Андреевич Змеёв, упомянутый в боярской книге 1639 г. Во всяком случае, В.А. Змеёв к 1639 г., видимо, еще не был наделен поместным окладом. Однако это обстоятельство не может служить достаточным основанием для утверждения, что В.А. Змеёв к 1639 г. еще не находился на царской службе.

Как отмечено в «Записной книге Московского стола 17 марта 1649 г. «...того же дни государь пожаловал в стряпчие из житья ...Венедикта Андреева сына Змеёва...»³⁹ В «Боярском списке» 7158 (1649/1650) г. он записан «в рейтарской службе», оказавшись «в рейтарах» до 1 сентября 1649 г.⁴⁰, т. е. не позднее лета 1649 г. Речь идет о его службе в Московском рейтарском полку, сформированном полковником-голландцем Исааком ван Бокховеном.

Московский рейтарский полк Исаака ван Бокховена

Зарождение частей русской регулярной армии относится к 1630 г. Это были так называемые «полки иноземного строя», или «нового строя», или «новоприборные полки». Первоначально личный состав этих полков, не только офицеры, но часть солдат, набирался из иноземцев. Однако вскоре пришлось отказаться от найма солдат, которые стали комплектоваться из русских добровольцев, «охочих людей». Офицерский же состав был укомплектован иноземными наемными офицерами. Во всяком случае, сведения об офицерах русского происхождения отсутствуют. По окончании Смоленской войны в 1634 г. личный состав этих полков был распущен по домам, а полки фактически расформированы. Следует отметить, что некоторые иноземные офицеры, однако, остались в Москве и в составе русского войска.

Служебные и должностные обязанности «начальных людей» в «полках нового строя» достаточно четко определены в первом воинском уставе регулярной части русского войска в упоминавшемся выше «Учении и хитрости ратного строя пехотных людей» 1647 г.

Командиром полка являлся «полковник». Ближайшим его помощником и заместителем был «полковой поручик» (по терминологии Устава 1647 г.), вскоре в обиход

вошли другие термины – «полуполковник» или «подполковник». Основные обязанности «полковника», как и всех остальных «начальных людей», сводились к обучению их «солдатской службе стройно и безленостно». Они обязаны были следить за поведением солдат, «от всякого воровства велеть унимать с наказанием, беречь накрепко, чтобы солдаты зерню не играли, вина и пива не варили (кроме известных праздников) и не пропивались, и табаку отнюдь не держали и насильств никаких никому не чинили и никого не били, и не грабили, и никакого б воровства однолично от них не было». На практике, как правило, основную работу по обучению солдат осуществлял «подполковник» или «майор».

«Майор», или первоначально, согласно тексту Устава 1647 г., «полковой сторожеставец», являлся следующим за «подполковником» старшим офицером полка. Фактически «майор» являлся начальником штаба полка.

Во всяком случае, наряду с другими обязанностями, он выполнял и обязанности начальника полкового штаба, вел всю полковую канцелярию и документацию. Официально учрежденной должности «начальника штаба полка» не было, однако «майор» являлся старшим офицером штаба командира полка, ведал походным передвижением, расположением на отдых, внешним охранением, мерами по поддержанию внутреннего порядка и безопасности, разведкой. «Майор» подчинялся непосредственно «полковнику» и его первому заместителю – «подполковнику», выполняя, таким обра-

зом, функции второго заместителя командира полка.

Ротным командиром являлся «капитан» в пехоте и «рот-мистр» в кавалерии. Его помощником и заместителем был «поручик». В составе «начальных людей» роты был и еще один самый младший офицер – «прапорщик».

Русский рейтар второй половины XVII в.

Рис. А. Ежова. 2008

В русских регулярных частях существовали также как бы не штатные чины, но должности «старшего полковника», «старшего капитана», «капитан-поручика».

«Старший полковник» обладал определенными преимуществами перед другими «полковниками» и командирами полков в том, что, во-первых, при обсуждении каких-либо вопросов на военных советах его мнение принималось во внимание как имеющее первостепенную значимость. Он как бы являлся своеобразным «старшиной» среди всех других «полковников». Он обладал преимущественным правом и первенством на замещение генеральской должности, получение генеральского чина при возникающей соответствующей вакансии. Он мог в боевой или походной обстановке временно объединять в оперативно-тактических соображениях командование над несколькими полками.

«Старший капитан» пользовался в полку среди ротных командиров, по сути дела, теми же правами, что и «старший полковник» среди других полковых командиров. Он обладал также преимущественными правами на получение чина «майора» или «подполковника».

«Капитан-поручик» – это, как правило, офицер, исполнявший должность командира «полковничьей» роты, поскольку каждый полковник и генерал являлись, независимо от своих обязанностей командиров полков или «генеральских полков», еще и командирами, «капитанами» собственных персональных рот. В силу служебных обстоятельств

полковники и генералы реально исполнять свои «капитанские» обязанности не имели возможности, поэтому фактическое командование, обучение их рот осуществляли офицеры в чине «капитанов» – заместителей командиров полков по командованию ротами.

После поражения в Смоленской войне 1632–1634 гг. русский царь и московское правительство не оставляли намерения вернуть Смоленск и всю традиционно примыкавшую к нему и подчиненную ему территорию бывшего Смоленского княжества. Во всяком случае, эти намерения и основополагающие стратегические цели были продиктованы необходимостью укрепить стратегическое положение московского государства на его западных границах – Смоленск являлся «щитом Москвы» на Западе, одной из главных крепостей, упрочивавших стратегическое положение Московского государства на линии ее естественной геополитической границы – на линии Днепра. Однако проблема укрепления своей западной границы не была единственной для русского царя и его правительства. Не менее важными и болезненными были еще две геостратегические проблемы – северо-западная, на русско-шведской границе и южная – граница с крымско-татарским Диким Полем. Можно сказать, что международное положение России в это время и ее основные внешнеполитические проблемы заключались в своеобразном «треугольнике» Швеция – Польша – Крым, и попытка решения внешнеполитических задач на одной из «сторон этого треугольни-

ка» неизбежно провоцировала угрожающую России политическую и военную активность двух других. На всех трех указанных направлениях линия стратегической обороны была чрезвычайно уязвимой с точки зрения естественно-географической или геополитической.

Озабоченное осложнением отношений с Крымом с 1637 г., готовясь к возможной с ним войне, московское правительство решило усилить оборону на засечной черте. С 1638 г. были развернуты активные работы по укреплению Белгородской засечной черты. Было решено вновь призвать на военную службу в приграничные солдатские и драгунские полки солдат и драгун из полков, участвовавших в Смоленской войне 1632–1634 гг. Им было приказано состоять «в той службе по-прежнему»⁴¹. Намечено было также «прибрать» на драгунскую и солдатскую службу еще 8 тысяч человек. Драгунские и солдатские полки 1 ноября 1638 г., распущенные «на зимние квартиры», насчитывали свыше 13 тысяч человек. Весной следующего года было решено вновь призвать их на «действительную» службу⁴².

Заметное ухудшение русско-шведских отношений и ожидание возможной войны России со Швецией возникли вскоре после вступления на престол нового царя Алексея Михайловича. В 1646 г., в связи со сложившимися внешнеполитическими обстоятельствами, царский тесть стольник Илья Данилович Милославский был направлен в Голландию нанимать опытных капитанов и солдат 20 человек «добрых са-

мых ученых»⁴³. В августе 1647 г. он привез с собой в Москву несколько опытных голландских офицеров. Прежде всего, следует отметить приезд в Москву отца и сына Бокховенов – полковника Исаака ван Бокховена и его сыновей майора Филиппа-Альберта и Корнилиуса ван Бокховенов. Однако указанные выше мероприятия, по мнению шведского резидента в Москве К. Поммеринга, были обусловлены не только внешнеполитическими, но, быть может, в не меньшей мере внутривнутриполитическими обстоятельствами.

«Так как стрельцы не пользуются доверием, – сообщал шведский резидент своей королеве Христине 26 января 1649 г., – то Букгофен под верховным начальством Ильи Даниловича (Морозова), который очень полагается на голландцев, будет командовать пятью тысячами человек в качестве отряда телохранителей великого князя: на такое хорошее распоряжение бояре смотрят с неудовольствием»⁴⁴.

Шведский резидент и далее пристально следил за деятельностью полковника И. Фан-Буковена (как его стали называть «на русский манер» при московском царском дворе). «О той сильной гвардии, которая здесь должна была вербоваться для безопасности его царского величества, – вновь обращается он к этой теме в донесении от 21 февраля 1649 г., – теперь не так много слышно»⁴⁵. 2 марта 1649 г. шведский посланник продолжает сообщать о формировании царской «лейб-гвардии»: «О сильной лейб-гвардии его цар-

ского величества, которой должен был командовать голландский полковник Исаак Букгофен... теперь ничего не слышно»⁴⁶. То же самое Поммеринг повторяет в своем послании королеве и 23 марта 1649 г.⁴⁷ «Вербовка Букгофена идет медленно, – вновь сообщает Поммеринг 4 мая 1649 г., – или совсем не продолжается»⁴⁸. Наконец, 4 августа 1649 г. Поммеринг сообщил королеве Христине, что «голландский полковник Исаак Букгофен наконец начал вербовку или экзерцицию войск, о чем столь долгое время говорилось»⁴⁹. Видимо, вербовка начала осуществлялась весьма быстро, приблизительно с июля, поскольку, как сообщается в «Записной книге Московского стола» 25 августа 1649 г., при встрече литовских послов «на выезде ж были с полковником с Исаком Фандуковым (так записана фамилия ван Букховена) и с начальными людьми райтары, стояли райтарским строем...»⁵⁰. А в донесении от 29 сентября 1649 г. присутствует уже и настораживающая фраза: «27 сентября... Букгофену с его 2000 рейтаров приказано держать себя наготове»⁵¹. 7 октября 1650 г. в Дворцовых разрядах было записано: «На встрече» польского посланника «по государеву указу были, за Тверские ворота, Московские рейтары с полковником и с начальными людьми по списку их 1000 человек, а были рейтары конные со своим рейтарским строем...»⁵².

В донесении 7 ноября 1649 г. сообщалось, что «рейтары полковника Букгофена большею частью уехали домой до

дня св. Николая или до Рождества, но 200 лучших из них остались в Москве и усердно упражняются ежедневно, чтобы делаться способными командовать другими, которые будут еще вербоваться; другие же говорят, что помянутые 200 всадников пойдут в качестве гвардии с Григорием Пушкиным и пр.»⁵³

И вот в донесении от 22 ноября 1649 г. появляется весьма любопытная информация, кажется расшифровывающая предшествующее сообщение шведского резидента. «Между тем, – пишет он своей королеве, – 2000 дворянских рейтаров Букгофена никак не хотят позволить командовать собой голландским или иноземным офицерам, которых они называют некрещеными; они говорят, что те (т. е. офицеры) сами большей частью никакой службы не имеют и те, которые были под Смоленском, более понимают, чем эти. Поэтому 200 рейтаров обучают еще ежедневно, чтобы они потом могли обучать своих товарищей и других и командовать ими»⁵⁴. Из данного сообщения следует, что в числе 200 рейтар, оставшихся продолжать обучение, были те, что участвовали еще в Смоленской войне 1632–1634 гг. Это сообщение предоставляет нам возможность вернуться к вопросу о приблизительной дате рождения В.А. Змеёва.

Указание на то, что в рейтарском полку Фан-Буковена в 1649–1653 гг. подготовку рейтарских и солдатских командиров вели, и вели очень хорошо, некоторые участники Смоленской войны 1632–1634 гг., позволяет предположить, что

в их числе был и В.А. Змеёв. К 25 августа 1649 г. в числе командиров подразделений в этом полку были 1 стольник (В.Г. Толстой) и 21 стряпчий, в том числе и В.А. Змеёв. Как правило, «призывной возраст» в России наступал с совершеннолетия, т. е. с 15-летнего возраста. Однако нередко были случаи, когда на военную службу поступали «недоросли» моложе 15 лет. Так, генерал М.О. Кровков начал свою службу в жилецком чине с 12-летнего возраста⁵⁵. Поэтому и В.А. Змеёв мог начать свою военную службу в жилецком чине тоже до наступления совершеннолетия, возможно в 12–14 лет. Если В.А. Змеёв родился ок. 1618–1619 гг., он вполне мог по своему возрасту принять участие в Смоленской войне 1632–1633 г. В цитированном выше фрагменте говорится о «русских» инструкторах в рейтарском полку Фан-Буковена (в 1649–1652 гг.), «бывших под Смоленском», но не обязательно в рейтарском полку. Поэтому В.А. Змеёв, участвуя в Смоленской войне в 13–15-летнем возрасте, родился ок. 1619 г. Если он умер в начале 1697 г., то на время смерти ему было 78 лет, что вполне допустимо. В.А. Змеёв был отправлен в «чистую отставку» в марте – апреле 1696 г.⁵⁶, т. е. на 77-м году жизни. В то же время военная служба на протяжении 60 лет и в таком преклонном возрасте была нередким явлением в Московском государстве XVII в.

Таким образом, можно полагать, что В.А. Змеёв родился ок. 1618 г. и умер в 1697 г., на 79-м году жизни. Начав службу в рейтарском полку летом 1649 г. стряпчим рейтарского

строю, очевидно, за отличия в подготовке русских начальных людей для рейтарского и солдатского строя, в июле 1652 г. он уже жалуется в «стольники рейтарской службы» (всего через три года после пожалования в стряпчие) в возрасте 33 лет, а в 37 лет становится полковником рейтарского строя. Для сравнения: М.О. Кровков был пожалован в полковники и стал командиром 2-го Московского выборного полка солдатского строя тоже в 37 лет.

Косвенным указанием на предположительное рождение Змеёва ок. 1618 г. можно считать величание его «по отчеству» (Венедикт Андреевич) в самом первом «Списочном составе рейтарского полка В.А. Змеёва от 9 августа 1656 г.»⁵⁷: «...Рейтарского строю столника Веденихтова полку Андреевича Змеёва...»⁵⁸. Как известно, величание человека по имени и отчеству в официальных документах было в Московском государстве особой, высокой царской наградой. Она давалась людям очень заслуженным и, конечно же, достаточно солидным по возрасту. В августе 1656 г. Змеёв такой награды еще не был удостоен, хотя известно, что царь Алексей Михайлович величал Змеёва «по отчеству» в личных к нему письмах и грамотах. В частности, в грамоте 1668 г.⁵⁹ Официально Змеёв был пожалован «вичем» лишь в 1679 г. Можно с большей или меньшей уверенностью предположить, что дьяк, составлявший «Список» чинов рейтарского полка Змеёва 9 августа 1656 г., указал его

«с отчеством» либо по привычке (поскольку слышал, как все так называют В.А. Змеёва), допустив таким образом невольное бюрократическое нарушение в официальном документе, либо ему именно так продиктовали. Во всяком случае, уже в августе 1657 г., очевидно вслед за самим царем, все величали Змеёва по имени и отчеству. Видимо, В.А. Змеёв к этому времени уже заслужил репутацию авторитетного знатока «регулярного воинского строя» и пользовался большим уважением царя, обращавшемся к нему «по отчеству». Но еще более вероятно то, что Змеёв был значительно старше царя Алексея Михайловича, родившегося в 1629 г. (на 10–11 лет). Неофициально государь мог позволить себе проявить таким обращением уважение к Змеёву (вряд ли царь при всем своем уважении обратился бы по имени и отчеству к своему незнатному ровеснику). Аналогичным образом царь Алексей Михайлович обращается по имени и отчеству к другому известному русскому военачальнику того времени, приблизительно ровеснику Змеёву, Г.И. Косагову. По совокупности указанных выше косвенных показателей можно с достаточной долей уверенности считать, что В.А. Змеёв родился ок. 1618 г.

Панорама Коломенского с дворцом царя Алексея Михайловича.

Рисунок XVIII в.

Завершим, однако, рассказ о подготовке «национальных русских офицерских кадрах» в Московском рейтарском полку полковника Фан-Буковена с участием В.А. Змеёва.

«Полковник Бухгофен, – доносил уже другой шведский резидент Иоганн фон Родес в 1652 г. из Москвы, – со своим сыном уже 2–3 года (т. е. с 1649 г.) обучает здесь упражнениям конного строя два русских полка, которые большей частью состоят из благородных. Думают, что он их теперь так сильно обучил, что среди них мало найдется таких, которые не были бы в состоянии заменить полковника, а что-бы их даже еще больше усовершенствовать и сделать совершенством, он теперь обучает их упражнениям также пешего строя с пиками и мушкетами»⁶⁰.

Следует, однако, отметить, что «Первый» Московский рейтарский полк был укомплектован «служилыми людьми»,

большинство которых не испытывали желания служить в рейтарах. Эта служба была для них сложнее обычной «поместной», когда они должны были являться в царское войско «конно, людно и оружно» лишь в случае войны или на ограниченное время (скажем, для службы на «засечной черте», на «валовой службе»). При этом от них не требовалось никакой специальной военной подготовки. Рейтарская служба предполагала перевод этих «служилых людей» в «полки нового строя», что требовало предварительного обучения, т. е. военно-профессиональной подготовки. Кроме того, сама по себе «рейтарская служба», хотя и предполагала «отпуск» на время окончания военных действий, в целом же требовала от «служилого человека» более длительного пребывания «в строю», а если он становился «начальным человеком» («офицером»), то эта служба становилась постоянной и «регулярной». Поэтому царю Алексею Михайловичу приходилось стимулировать желание «служилых людей», «дворян» служить в рейтарах, поступать в рейтарский полк Фан-Буковена для обучения «регулярному строю». В качестве такого стимула использовалось пожалование «служилого человека» в следующий, более высокий «чин» указанной выше «дворцовой иерархии». Если же «служилый человек» уходил из «рейтарского строя» на традиционную «сотенную службу», то он понижался в «чине», как это видно из соответствующего анализа «боярских списков». Так, в ответ на челобитную «жильцов» Алексеева, Малыгина, М.О. Кров-

кова, Г.Ф. Тарбеева, не проявлявших особого желания служить в рейтарах, 30–31 августа 1649 г. царь Алексей Михайлович жалует их в чин «стряпчих», но с обязательством служить «в рейтарском строе»⁶¹.

Следует, однако, обратить внимание на еще одно обстоятельство. С формирование рейтарского полка Фан-Буковена и комплектованием его русскими «служилыми людьми» летом 1649 г. зарождается новая, не «дворцовая», а узко «военная» иерархия «чинов». Однако первое время для обозначения этих «военных чинов» для «начальных людей» рейтарских полков используются «чины дворцовые», но с соответствующим указанием на военно-профессиональный характер их службы: «рейтар», «жилец рейтарской службы (или строя)», «московский дворянин рейтарской службы», «стряпчий рейтарской службы», «стольник рейтарской службы». В зависимости от «чина» тот или иной «начальный человек» в «рейтарской службе» занимал и соответствующую командную должность. Г.К. Котошихин достаточно подробно расшифровал эти должностные обязанности.

Царь Алексей Михайлович

«А бывают у рейтар начальные люди, – сообщает Г.К. Котошихин, – полковники и полуполковники, и майоры, и ротмистры, и иные чины розных иноземских государств люди; а русские начальные люди бывают у рейтар: столники и дворяне, и жилцы, ученые люди иноземных же полков из рейтар и из начальных людей»⁶². Из текста и контекста, сообщаемого Котошихиным, можно вывести приблизительное соот-

ветствие «воинских чинов» в рейтарских полках для офицеров-иноземцев и «начальных людей» из русских: полковник – стольник, стряпчий – полуполковник, майор – дворянин (московский дворянин), ротмистр – жилец, «городовой дворянин» – поручик, прапорщик, сын боярский – прапорщик, нижестоящий «начальный человек» или рядовой рейтар.

В отличие от традиционных «жилцов», «стряпчих», «стольников», дворцовые и служебные обязанности которых издревле были обозначены и определялись их иерархическим и «служебным» положением в дворцовом ритуале, в центре которого стоял царь, «жилцы», «стряпчие», «стольники» и пр. «в рейтарской службе» должны были исполнять лишь военно-служебные обязанности согласно «уставу рейтарской службы» и в зависимости от своего чина.

Лишь примерно с 1655 г. военные чины «иноземного» происхождения (полковник, полуполковник, майор, ротмистр, поручик, прапорщик и т. д.) начали использоваться для обозначения места «начальных людей» из русских дворян в иерархии командного состава рейтарских полков.

Итак, В.А. Змеёв в чине «стряпчего в рейтарской службе» состоял с июля – августа 1649 г. и оставался в таком чине до 30.07.1652⁶³, получив за это время в рейтарском полку полковника И. Фан-Буковена «регулярную» профессиональную военную подготовку⁶⁴. 30 июля 1652 г. он был пожалован «из стряпчих рейтарского строю» в «стольники в рейтарской службе». В этом чине он оставался, согласно за-

писям в «боярских списках», до 1656⁶⁵.

К началу «смоленского похода» царя Алексея Михайловича в составе его войска было уже 7 рейтарских полков, включая 1-й Московский рейтарский полк Фан-Буковена. К лету 1654 г., т. е. к началу «смоленского похода», сам полковник уже умер (в 1653–1654 гг.), поскольку его полком в этом походе командовал полковник В. Фан-Дроцкий. По свидетельству очевидца, 6 других рейтарских полков возглавляли полковники «немцы»⁶⁶. Известно, что к январю 1655 г. одним из рейтарских полков командовал полковник Д. Фан-Визин. Скорее всего, одним из командиров указанных шести рейтарских полков в «смоленском походе» был он. Другим рейтарским полком, по мнению исследователей, командовал бывший драгунский полковник В.В. Кречетников, как полагают, происходивший также из «служилых иноземцев», перешедших в православие, так называемых «новокрещеных».

В литературе утверждается, что командиром еще одного рейтарского полка был полковник Ф.А. Фан-Буковен (сын полковника И. Фан-Буковена), однако, согласно данным источников, он командовал солдатским полком. Во всяком случае, если он и возглавлял один из рейтарских полков, то только до июля 1654 г., когда этот полк возглавил Арист Фамендин (фон Менгден).

Что же касается перечисленных выше 7 «стольников рейтарской службы» (включая В.А. Змеёва), то известно, что в

«смоленском походе» Б.П. Соймонов был в должности «го-
ловы у рейтар» при царе Алексее Михайловиче (видимо, от-
борный отряд)⁶⁷.

М.Г. Хитрово в конце 1652 г. покинул «рейтарскую служ-
бу» и в январе 1653 г. был исключен из числа «стольников
рейтарской службы»⁶⁸.

В.Г. Толстой, видимо, также покинул рейтарскую службу
к началу «смоленского похода», поскольку последний раз в
«боярских списках» «стольником в рейтарской службе» он
значится в 1654/1655 г. Напомню вновь, что запись о слу-
жебном состоянии в очередном «боярском списке» по поло-
жению на предшествующий год. В данном случае на 7162 г.
(1.9.1653/31.8.1654).

И.Д. Зубов еще в 1653/1654 г. был назначен головой у
московских стрельцов⁶⁹, т. е. также покинул рейтарскую
службу. Оставались лишь трое: И.Д. Елчанинов, В.А. Зме-
ёв, С.А. Зубов. Последний из названных летом 1656 г. был
в чине майора рейтарского полка⁷⁰. В.А. Змеёв 14 августа
1656 г. впервые назван рейтарским полковником⁷¹, а И.Д.
Елчанинов стал рейтарским полковником к 1659 г.⁷²

После пожалования В.А. Змеёва в стольники рейтарско-
го строя 30 июля 1652 г. и до августа 1656 г. какие-либо
сведения о его жизнедеятельности на сегодняшний день от-
сутствуют. Можно лишь предположить, что в 1654 г., по-
сле смерти полковника И. Фан-Буковена, Змеёв продолжал

обучение будущих «начальных людей» (офицеров) для «регулярных» полков рейтарского, драгунского и солдатского строя. Это продолжалось вплоть до начала русско-шведской войны 1656–1658 гг.

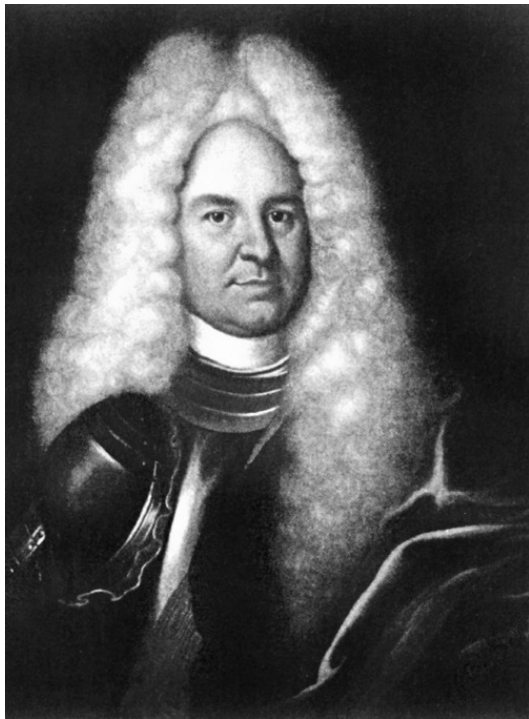
Герой штурма Кокенхаузена

Война со Швецией при Алексее Михайловиче (1656–1658 гг.) возникла вследствие успехов русского оружия в Литве. Шведский король Карл X Густав, избранный частью населения на польский престол, предъявил притязания и на литовские земли, находившиеся в руках Алексея Михайловича. Современник событий, будущий ближайший соратник Петра I, П. Гордон, оказавшийся на русской службе с 1661 г., а в те годы находился на польской службе, записал своем дневнике в августе 1656 г.: «Римский император отправил посла к царю Русскому, дабы предложить свое посредничество между царем и королем Польши. Сей министр – духовное лицо по имени Аллегретти де Аллегретто – следовал за царским двором даже в походе на Литву и использовал все средства для достижения мира между Польшей и Россией в интересах Римской Империи и католической веры, кои во многом зависели от участи Польши. На сих переговорах он действовал столь искусно, что, предъявив самые сильные доводы царю и его совету, убедил его заключить годичное перемирие с Польшей и напасть на Швецию»⁷³.

Далее, автор дневника и наемный офицер в польском войске так объяснял предпосылки и причины русско-шведской войны.

«Русские, от природы подозрительные и недоверчивые, –

писал он, — были крайне возмущены победами и могуществом короля Шведского и ясно видели, что, если он завоюет Польшу, что было весьма вероятно, они вскоре будут вынуждены сражаться с обеими державами вместе. Посему для своей же безопасности они легко согласились отвлечь шведские войска и появились у них на пороге так внезапно, что близко подступили к Лифляндии прежде чем пришла весть, куда они направляются. Король Швеции ничего не ведал, пока Кокенхаузен и ряд других небольших крепостей не были взяты, а Рига осаждена самолично царем со 100-тысячною армией, артиллерией и военным снаряжением»⁷⁴.

Генерал Петр Иванович (Патрик) Гордон

Планы войны со Швецией, разработанные русским командованием, отличались большой реалистичностью. Было принято решение просто вытеснить шведские войска из Лифляндии и северных областей Великого княжества Литовского, а также вернуть захваченные шведами после «Смутного времени» земли и города у Финского залива и в Каре-

лии. Предполагалось, что главные силы русского войска из Смоленска через Витебск и Полоцк, где сидели русские гарнизоны, пойдут походом на Динабург и Ригу. Это была та центральная группировка русской армии, которая давно уже сложилась в ходе войны с Речью Посполитой, имела опорные крепости, необходимые запасы, хорошо налаженные коммуникации, давно назначенных воевод (во главе остался князь Черкасский). Сколько-нибудь значительной подготовки для новой кампании здесь не требовалось: театр военных действий вплотную примыкал к линии русских крепостей в Витебске, Полоцке, Невеле и Дресе.

Северная же группировка, предназначенная для военных действий в восточной Лифляндии, у Финского залива, в Карелии и Ижорской земле, нуждалась в серьезной подготовке. На ее командование возлагались сложные самостоятельные задачи. 12 февраля 1656 г. «большим воеводой» в Новгород назначили князя Трубецкого, а в «товарищи» к нему – князей Долгорукого, Чоглокова, Измайлова. Кроме того, в Пскове в «прибылом полку» должен быть князь Ромодановский. В Новгород и Псков направили многочисленные обозы с боеприпасами и продовольствием; продовольствие доставлялось даже из Сибири. На Каспле и Белой создавались флотилии мелких судов.

Патриарх Никон предлагал даже послать донских казаков, чтобы они на своих стругах выходили в Финский залив и Балтийское море, громили и опустошали прибрежные горо-

да в Финляндии и Швеции, как они это делали на Азовском и Черном морях. Но этот фантастический план, несмотря на высокий тогда авторитет патриарха, не был принят.

15 мая 1656 г. царь Алексей Михайлович выступил из Москвы в Полоцк, где собрались полки для похода на Ригу. Взятие Риги отрезало бы группировку шведских войск, занявшую Лифляндию, от главных сил короля Карла X и поставило бы ее под двойной удар – с запада, от Риги, и с востока армией Трубецкого.

17 мая 1656 г. Россия объявила Швеции войну. Русская армия двигалась медленно, отягощенная обозами и тяжелой осадной артиллерией, предназначенной для штурма ливонских крепостей. Первой такой крепостью стал Динабург, закрывавший речной путь по Западной Двине к Риге – по воде было бы легче всего доставить к Риге «стенобитный наряд». Один войсковой корпус под командованием боярина С.Л. Стрешнева был направлен под Динабург⁷⁵.

Другой войсковой корпус под непосредственным командованием самого царя Алексея Михайловича двинулся в направлении на Полоцк⁷⁶. В составе «государева» войскового корпуса были лучшие боевые части, в том числе «нового» регулярного «строя». Полоцк во время польско-литовского похода 1654–1655 гг. был уже взят русскими войсками. В Полоцке со своим «государевым» войсковым корпусом царь оставался с 5-го по 15 июля, когда «пошел из Полотцка

на своего государева недруга, на Свейского короля»⁷⁷. Через день, «июля в 16 день пришел Государь к городу Диснее и стал по ту сторону Двины в шатрах»⁷⁸, а «июля в 17 день пошел государь из Дисны к Друе»⁷⁹, а 19 июля «пришел Государь к Друе и стал, не доходя Друи, в шатрах»⁸⁰. Через два дня царь со своим войсковым корпусом «пошел из Друи под немецкий город под Динаборок»⁸¹, где присоединился к корпусу боярина С.Я. Стрешнева. Дальнейшие боевые действия уже планировалось осуществлялись из лагеря под Динабургом.

Осада Динабурга началась 20 июля 1656 года. Тактика «градного взятия» была давно отработана русскими воеводами. Город заключили в тесное кольцо осады, к стенам и башням протянули шанцы, поставили батареи, и тяжелые пушки начали бомбардировку⁸². Шведский гарнизон ничего не мог противопоставить умелым действиям осаждавших, и 31 июля Динабург был взят штурмом⁸³. По приказу царя город переименовали в Борисоглебов.

Еще до взятия Динабурга в царской ставке было решено предпринять действия по взятию другого города – Кокенхаузена. 25 июля 1656 г. было решено направить под Кокенхаузен войсковой корпус под командованием С.Л. Стрешнева для взятия этого города-крепости.

«Того ж месяца июля в 25 день, – отмечено это решение в Дворцовых разрядах, – из-под Динаборка послал госу-

дарь под немецкий город Куконос боярина и воевод Семена Лукьяновича Стрешнева да Никиту Константинова сына Стрешнева. Да с боярином и воеводою с Семеном Лукьяновичем послал Государь голов с сотнями своего государева полку с каломничи Петр Павлов сын Кондарев с полковник да с стремянными конюхи и полковник и голова Артемон Сергеев сын Матвеев да с те ж сотни, которые с ним посыланы из Витепска под Динаборок»⁸⁴. Кроме «сотен Государева полка» с указанными командирами в состав войсковой группы, направленной под Кокенхаузен под начальством боярина и воеводы С.Л. Стрешнева, входили:

1. Рейтарский полк полковника В.А. Змеёва.
2. Солдатский полк полковника Я. Норонта.
3. Солдатский полк полковника И. Мевса.
4. Драгунская «шквадрона» майора В.А. Волжинского.
5. Солдатский полк (А.Л. Ордина-Нащокина).
6. Стрелецкий приказ головы И. Нелидова.

Через три дня после взятия Динабурга царь Алексей Михайлович решил также двинуться со всем своим войском к Кокенхаузену для усиления войск боярина Стрешнева, осаждавших этот город. Как записано в Дворцовых разрядах⁸⁵, в начале августа русские войска под командованием боярина и воеводы С.Я. Стрешнева подошли к Кокенхаузену (Куконосу), расположились лагерем, осадили крепость и начали готовиться к ее штурму. «Того же месяца августа в 8 день, – записано в Дворцовых разрядах, – пришел Государь

под немецкий город под Куконос»⁸⁶. Таким образом, под Кокенхаузенем 8 августа собралось почти все царское войско. Кокенхаузен считался весьма сильной крепостью, взятие которой было делом достаточно трудным. «Ливонская крепость Кокенгаузен, – как оценивал ее современник, представитель австрийского посольства в Москву в 1662 г. А. Мейерберг шесть лет спустя после описываемых событий, – построенная на высоких берегах Двины и впадающей в нее незначительной речки, укреплена больше местностью, чем искусством, и замечательна поражением семи тысяч шведов. В 1654 году овладели ею москвитяне, отняв ее у тех же шведов, вместе с Дерптской областью и всею страной, даже до Печерского монастыря»⁸⁷. Из сообщения Мейерберга становится понятным стратегическое значение Кокенхаузена – он определял стратегическое господство над всей Дерптской областью до Псково-Печерского монастыря включительно. Поэтому взятие Кокенхаузена было важным этапом «рижского похода» царя Алексея Михайловича. Штурм Кокенхаузена был назначен на 14 августа.

В составе русских войск, осадивших Кокенхаузен, находился и рейтарский полк В.А. Змеёва. Самый первый (фрагментарный) список чинов рейтарского полка Змеёва в составе 11 рот (ориентировочная номинальная численность его должна была равняться 1238 чел., включая 138 «начальных людей») датируется 9 августа 1656 г.⁸⁸ В этом списке Змеёв

указывается еще только как стольник рейтарского строя без чина полковника. Надо полагать, что сам рейтарский полк Змеёва был сформирован приблизительно летом 1656 г. Однако 14 августа 1656 г., во время штурма Куконоса (Кокенхаузена), В.А. Змеёв уже указывается как рейтарский полковник⁸⁹. Поскольку приказ о штурме Кокенхаузена был отдан после всенощной, надо полагать, Змеёв был пожалован в полковники приблизительно 10–12 августа 1656 г.

Из контекста изложения хода военных действий до подхода к Кокенхаузену русского войскового корпуса под верховным командованием самого царя Алексея Михайловича, а это произошло 8 августа 1656 г., и учитывая тот факт, что самый ранний список чинов рейтарского полка Змеёва датируется 9 августа, надо полагать, что полк Змеёва входил как раз в состав царского «войскового корпуса». Указанные обстоятельства и факты (косвенные в основном) позволяют полагать, что Змеёв был назначен командиром вновь сформированного рейтарского полка приблизительно 8 августа, а примерно 10 августа, после смотра вновь сформированного рейтарского полка, был пожалован царем в рейтарские полковники.

Во главе своего рейтарского полка В.А. Змеёв впервые отличился, сыграв решающую роль, во взятии крепости Кокенхаузен или «Куконоса» (так этот город обычно называется в русских документах XVII в.) 14 августа 1656 г.⁹⁰

«Того же месяцу августа в 14 день (1656 г.)... после все-

нощного... велел государь к городу Куконосу приступить, – записано в Дворцовых разрядах. – А на приступе был боярин и воевода Семен Лукьянович Стрешнев, а с ним рейтарской полковник Веденихт Андреев сын Змеёв, да голова стрелецкой Иван Никитин сын Нелидов и полковники и салдаты и с даточными людьми»⁹¹. В документе не указываются и не перечисляются, какие конкретно полковники и с какими солдатскими полками участвовали в штурме Кокенхаузена. По ряду косвенных признаков, кроме рейтарского полка Змеёва и стрелецкого полка Нелидова, в этом «деле» принимали участие еще 5 регулярных воинских частей: солдатский полк полковника Я. Норонта; солдатский полк полковника И. Мевса (к 1661 он входил в состав гарнизона Кокенхаузена); драгунский полк полковника Х. Юнгмана; драгунская «шквадрона» майора В.А. Волжинского (к 1661 В. Волжинский был воеводой в Кокенхаузене); Куконосский (сводный воеводский) солдатский полк (А.Л. Ордина-Нащокина, раскассирован в 1661–1662).

Учитывая то обстоятельство, что боярин и воевода С.Л. Стрешнев не имел специальной военной подготовки для ведения «регулярного» боя с шведским гарнизоном Кокенхаузена, главную роль во взятии крепости, видимо, сыграл «ученый регулярству» военный профессионал, рейтарский полковник Змеёв во главе своего рейтарского полка при действенной поддержке стрелецкого головы Нелидова.

За свои выдающиеся и успешные действия, практически

на виду у самого царя, полковник Змеёв был отмечен и награжден Алексеем Михайловичем⁹². Там же, в лагере под Кокенхаузенем, «... того же месяца августа в 17 день (1656 г.) ... после стола... отпуща посланники (датского короля)... пожаловал государь боярина и воеводу Семена Лукьяновича Стрешнева за его службу, за взятие Немецкого города Куконоса, что он был на приступе... Да пожаловал государь рейтарского полковника Веденихта Андреева, сына Змеёва, за его службу, что он был на приступе с боярином с Семеном Лукьяновичем Стрешневым, а велел ему свои государевы очи видеть по праздникам за преградою, да ему же пожаловал сорок соболей да пять пар соболей добрых... Пожаловал стрелецкого голову Ивана Никитича сына Нелидова... велел быть полковником...»⁹³. Так, впервые (насколько позволяют о том судить официальные документы) рейтарский полковник был отмечен и замечен царем Алексеем Михайловичем. В ближайшие годы своими действиями он укрепил свою репутацию лучшего «регулярного» командира русского войска.

21 августа 1656 г. царское войско подошло к Риге. В составе «царского войскового корпуса» к Риге подошел и рейтарский полк полковника Змеёва. Лучшего, к тому же русского, рейтарского командира полковника Змеёва и его лучший рейтарский полк царь Алексей Михайлович отныне старался держать при себе. Наступление русской армии застало врасплох шведского коменданта графа Магнуса Делагар-

ди. Он даже не успел вырубить густые сады, окружавшие городские укрепления, что являлось неременным условием подготовки крепости к осаде: для эффективного огня крепостных пушек необходим был свободный сектор обстрела. Оплошностью коменданта немедленно воспользовались русские воеводы. Под прикрытием садов они почти без потерь рыли шанцы под самыми стенами и устанавливали осадные батареи.

1 сентября 1656 г. начался обстрел Риги из шести батарей, который велся непрерывно, день и ночь. Немногочисленные вылазки шведов отражались с большими для них потерями. По существу, Делагарди посылал отряды своих солдат на верную смерть. При полном превосходстве русской армии и кавалерии лишь немногие успевали вернуться в крепость.

Но Рига имела мощные укрепления, и Магнус Делагарди рассчитывал отбиться. Шведский дворянин Ганс Айрман, проезжавший через Ригу спустя десять лет после осады, писал:

«Этот город имеет прекрасный вал, и ров с водой, и отличные бастионы... На стене имеется страшная башня, расположенная в сторону суши, которая может подвергнуть обстрелу вокруг всего города, особенно там, где можно приблизиться к нему с суши; и действительно, она могущественно помогала городу в последней московитской войне, тем более что до сих пор заметно, какими огромными ядрами

неприятель обстреливал эту башню и намеревался ее разрушить; но все было тщетно, и он не причинил ей вреда; с этой башни можно наступать далеко в поле, что русские, вероятно, хорошо испытали...»⁹⁴

Пробить бреши в городских стенах не удавалось, русское осадное войско несло потери. Начались измены иноземных офицеров, которые пробирались в Ригу и сообщали о намерениях осаждавших. Осень оказалась холодной, дождливой. Не хватало продовольствия.

Все эти трудности были преодолимы, если бы их не усугубило одно важное обстоятельство, обеспечившее решающее преимущество Магнуса Делагарди. Ригу плотно закрыли с суши, но море принадлежало шведам. В середине сентября король Карл X на многих кораблях прислал в город подкрепление, боеприпасы, которых гарнизону уже не хватало, продовольствие. Престарелый генерал Лесли, руководивший осадными работами, советовал после прибытия шведских подкреплений отступить от Риги. Но царь был непреклонен: только штурм!

Началась подготовка к приступу. Солдатские полки и стрелецкие «приказы» тайно подтягивались к стенам. Назначили и день приступа – 2 октября. Но шведы, предупрежденные перебежчиками-иноземцами, опередили. Рано утром 2 октября они устроили неожиданную вылазку, точно направив удары своих солдат и рейтар на полки, которыми командовали полковники-иноземцы. Успех неожиданной вы-

лазки, в которой приняла участие большая часть шведского гарнизона, был ошеломляющим. Разбитыми оказались полки Циклера, Ненарта, Англера, Юнгмана. Большие потери понес кинувшийся им на выручку «приказ» русских стрельцов. Шведы взяли семнадцать русских знамен. Русским воинам удалось загнать шведов обратно в крепость, но штурм был сорван. Как видим, в этом штурме рейтарский полк Змеёва участия не принимал. Это была «царская гвардия», которую государь держал в резерве при себе.

Российский генерал А.И. Лесли

«Августа 19 (1656 г.), – записал в своем дневнике П. Гордон. – При первом приближении русских шведская конница сделала вылазку, но была отброшена с потерей графа-де Торена, тело коего было два дня спустя передано его супруге одним ротмистром, получившим в награду 100 дукатов.

Осада продолжалась почти шесть недель, и обе стороны понесли урон. Самым достопамятным событием стала вы-

лазка 2 октября, предпринятая шведами в стан князя Якова Куденетовича Черкасского около полудня, когда русские после обеда обычно ложатся спать. Это было сделано с такой отвагою, что они полностью отбросили русских от окопов, многих перебили и взяли несколько пленных и 18 знамен, кои затем вывесили на стенах с великой гордостью»⁹⁵. Последующие попытки найти способ овладения крепостью оказались безуспешными⁹⁶.

Вследствие неполной блокады Риги (за неимением у России флота) шведы усилили гарнизон и нанесли большой урон осаждающим. После же уничтожения речной флотилии на Двине из-за измены иноземных офицеров 5 октября 1656 г. царь приказал снять осаду с Риги. 12 октября русское осадное войско возвратилось в Полоцк. Вместе с царем в Полоцк отошел и рейтарский полк Змеёва. Русские воеводы удержали сильные крепости на Западной Двине – Кокенхаузен и Динабург, но главная цель похода не была достигнута – Рига осталась за шведами. 2 ноября, судя по записи в разрядах, царь, а в составе его «войскового корпуса» и рейтарский полк Змеёва, оставались в Полоцке⁹⁷, однако к декабрю 1656 г. возвратились в Москву.

В начале 1657 г. шведы пытались организовать контрнаступление, даже подступали к Пскову, но были отбиты. 2 июня 1657 г. полковнику В.А. Змеёву, уже прославившемуся во время штурма Кокенхаузена, в связи с осложнени-

В сентябре 1657 г. Магнус Делагарди с восьмьютысячным войском осаждал Гдов. На выручку горожанам пришло войско во главе с воеводой Иваном Хованским. 16 сентября 1657 г. на речке Черми, в трех верстах от Гдова, шведы были разбиты и бежали, побросав в Чудское озеро пушки. Русская конница преследовала их пятнадцать верст. Шведы потеряли убитыми двух генералов, трех полковников, двадцать офицеров, две тысячи семьсот солдат-пехотинцев и восемьсот рейтар. Решающую роль в этой победе русского войска сыграл рейтарский полк полковника Змеёва, переброшенный к этому времени из Полоцка под Гдов. Этот новый боевой успех закрепил за Змеёвым репутацию лучшего русского «регулярного» командира.

Продолжая преследование остатков воинства Магнуса Делагарди, воевода Иван Хованский переправился через реку Нарову, взял и сжег посады города Нарвы, опустошил Нарвский, Ивангородский и Ямской уезды. Шведское наступление в этом районе провалилось полностью.

На севере русские воеводы снова осадили Корелу, разгромили шведский отряд из семисот солдат, прибывший из Або, и в декабре 1657 г. вторглись в Выборгский уезд, ходили «изгоном» под крепость Канцы.

В 1657 г. шведы взяли Печерский монастырь и разбили Шереметева при Валке. В 1658 г. князь Хованский взял Ямбург и подступил к Нарве, но шведы вскоре отняли у русских Ямбург и Ниеншанц. Неудачи в войне с Польшей, а

также неопределенность перспектив войны с Россией заставили шведского короля Карла X начать переговоры о перемирии. К концу 1658 г. военные действия затихли.

Отныне рейтарский полк В.А. Змеёва всегда считался лучшим и самым большим по численности. Ко 2 июня 1657 г. он, как уже отмечено выше, насчитывал примерно 1300 человек, включая св.1000 рейтар и св. 300 драгун.

Для сравнения: в то же время в рейтарском полку полковника А. Траурнихта (кроме него самого) «начальных людей» рейтарского строя: 1 подполковник, 1 майор, 4 ротмистра, 7 поручиков, 7 прапорщиков. Кроме того, «начальных людей» драгунского строя: 2 капитана, 2 поручика, 2 прапорщика¹⁰⁰. Применяя те же расчеты, что и к полку Змеёва, мы получим 7 рейтарских рот и 2 драгунских роты. Всего – 9 рот, т. е. полк приблизительно численностью порядка 900 человек.

В рейтарском полку Г.Г. Фан-Стробеля в то же время (кроме него самого) было «начальных людей» рейтарского строя: 1 подполковник, 1 майор, 7 ротмистров, 10 поручиков, 10 прапорщиков; «начальных людей» драгунского строя: 2 капитана, 2 поручика, 2 прапорщика¹⁰¹. Всего, таким образом, 12 рот, т. е. всего в полку приблизительно 1200 человек.

В 1658 г., Змеёв со своим полком был возвращен в Москву и был назначен «главным» над всеми «начальными людьми» рейтарских и солдатских полков, встречавших гру-

зинского царя Теймураза Давидовича¹⁰².

Рейтарский полковник Змеёв в сражении под Конотопом

К весне 1659 г. рейтарский полк В.А. Змеёва во главе со своим командиром был переброшен на Украину и включен в состав русских войск под командованием князя А.Н. Трубецкого. Он насчитывал 1272 человека и включал рейтар и драгун, очевидно в процентном соотношении мало отличавшимся от состояния на июнь 1657 г.

28–29 июня 1659 г. полковник Змеёв во главе своего рейтарского полка отличился в сражении под Конотопом, в котором он сам и его рейтарский полк, проявив высокий профессионализм и боевую подготовку в обороне русских позиций, предотвратили полный разгром русского войска, что было особо отмечено царем и царскими наградами. В соответствующем царском указе от 23 февраля 1660 г. о награждении Змеёва и других отличившихся при Конотопе командиров было сказано буквально следующее:

«...Полковник рейтарской Веденихт Змеёв, полковники и головы стрелецкие! Великий г. ц. и в. к. Алексей Михайлович в. в. и м. и б. Р. с. велел вам сказать: были вы на нашей великого государя службе, и нам, великому государю служили, и в шанцах сидели, и промысл всякой помышляли, и в приход Крымского хана и изменника Ивашка Выговского бились, не щадя голов своих. А как боярин и воеводы князь Алек-

сей Никитич со всеми ратными людьми отошел от Крымского хана и изменника Ивашка Выговского обороною редкою, и вы потому же за милостию Божиею стояли мужественно и крепко, и обозу разорвать не дали, и билися, не щадя голов своих, и отошли от хана Крымского и от изменника Ивашка Выговского совсем вцеле... Великий государь... велел вам сказать», что «жалует вас за вашу службу полковнику рейтарскому и полковникам же и головам стрелецким: Веденихту Змеёву, Семену Полтеву, Артемону Матвееву по ковшу, по 40 соболей, по 800 ефимков...»¹⁰³

Некоторые дополнения к описанию этого события вносят записи в «Дворцовых разрядах». «Того же дни (т. е. 23 февраля 1660 г.), – записано в них, – был у Государя стол по золотой палате... Да у стола ж пожаловал Государь велел быть полку боярина и воеводы князь Алексея Никитича Трубецкого головам сотенным, и дворяном, и сотенным людям, да полковником рейтарским Веденихту Андрееву сыну Змеёву, Ивану Федорову сыну Елчанинову, и их полков начальным людям, да полковникам и головам стрелецким Семену Федорову сыну Полтеву, Артемону Сергееву сыну Матвееву...»¹⁰⁴ Далее, после описания всего этого торжественного царского застолья, были указаны награды отличившимся. В частности, «полковнику рейтарскому Веденихту Змеёву ковш серебрян, да отлас да сорок соболей, да придачи помостного окладу 100 четьи, денег 15 рублей да на вотчи-

ну 700 ефимков»¹⁰⁵. Те же награды были даны С. Полтеву и А. Матвееву¹⁰⁶. Указанные «поместные придачи» отмечены также в «Боярской книге»¹⁰⁷. Таким образом, особо отличились на оборонительной стадии Конотопского сражения, кроме В.А. Змеёва, также рейтарский полковник И.Ф. Ельчанинов и стрелецкие полковники С.Ф. Полтев и А.С. Матвеев.

Не ставя перед собой цель описывать и анализировать ход и обстоятельства сражения при Конотопе, полагаю необходимым обратить внимание главным образом на нижеследующее.

В феврале 1659 г., Иван Беспалый, назначенный из Москвы гетманом той части Украины, которая сохранила верность русскому царю, сообщил в Москву об активизации отрядов Выговского под Лохвицей. Сам же Выговский подошел 4 февраля к Миргороду, рассылая «прелестные письма». После измены миргородского полковника Степана Довгаля миргородцы вынуждены были сдаться.

На помощь гетману Беспалому из Москвы с небывалым доселе по численности 150-тысячным войском 15 января 1659 г. выступил воевода, боярин, князь А.Н. Трубецкой. 30 января он был уже в Севске, 10 марта прибыл в Путивль, из которого в направлении Константинова он выступил 26 марта. 10 апреля 1659 г. воевода А.Н. Трубецкой с войском двинулся из Константинова к Конотопу, в котором заперся

полковник Гуляницкий. 19 апреля Трубецкой подошел к Конотопу и 20 апреля начал осадные работы¹⁰⁸.

Трубецкой не планировал длительной осады Конотопа, а решил взять его штурмом, который был им назначен на 29 апреля. Однако штурм Конотопа русскими войсками окончился неудачей¹⁰⁹, после чего воевода, князь Трубецкой, вынужден был приступить к правильной осаде крепости Конотоп.

Из цитированного выше текста царского указа (о награждении полковника Змеёва) не следует, что полковник В.А. Змеёв и его рейтарский полк принимали участие в штурме Конотопа 29 апреля 1659 г. Там говорится, во-первых, о том, что они «в шанцах сидели и промысл всякий помышляли», т. е. участвовали в последующей осаде Конотопа. Однако в сведениях о потерях русской армии при неудачном штурме Конотопа драгуны полка В.А. Змеёва потеряли убитыми 7 человек рядовых и ранеными 3 офицера и 44 рядовых¹¹⁰. Очевидно, в штурме 29 апреля принимали только драгуны этого полка. Сам же Змеёв и основная часть полка участия в штурме не принимала. И это вполне естественно: рейтарскую (большую, собственно кавалерийскую) часть полка было нецелесообразно использовать в штурме, для которого нужны были солдаты и драгуны (так называемая «ездящая пехота»).

После неудачного штурма воевода, князь Трубецкой, вы-

нужден был приступить к правильной осаде крепости Конотоп, во время которой полковник В.А. Змеёв и его рейтарский полк как раз «в шанцах сидели и промысл всякий помышляли» с конца апреля до конца июня 1659 г.

Затем в царском указе говорится о том, что полковник В.А. Змеёв и его рейтарский полк «билися, не щадя голов своих» «в приход Крымского хана и изменника Ивашка Выговского». Эта часть «подвига» В.А. Змеёва и его полка относится уже к событиям, которые начались с конца июня 1659 г., когда к Конотопу подошла крымская орда во главе с крымским ханом и главные силы мятежных казаков вместе и Иваном Выговским.

В официальном донесении на имя царя Алексея Михайловича воевода, боярин и князь А.Н. Трубецкой так сообщает о сражении:

«И июня же в 28 день, в другом часу дни, к той же деревне Сосновке пришли изменники Черкассы и Татаровя, а многие ли люди и царь ли или царевици или мурзы и изменник Ивашко Выговской с ними ль, и про то подлинно было неведомо. И боярин и воеводы князь Алексей Никитич Трубецкой с товарищи с государевыми ратными людьми вышли за обозы, и от обозов товарищи боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого и столника князя Федора Куракина околничие с государевыми ратными людьми своих полков ходили против тех изменников Черкасс и Татар к деревне Сосновец к переправе. И боярин и воевода князь

Алексей Никитич Трубецкой и стольник и воевода князь Федор Куракин послали к ним своих полков голов с сотнями и рейтарских и драгунских полковников с рейтары и с драгуны. И был бой до вечерень, а о вечернях Татаровя многие люди и Черкассы обошли государевых ратных людей спорным Гребнем и от деревни Поповки, и учили побивать и в полон имать, и в обозы вбили, и окольных, князя Семена Романовича Пожарского и князя Семена Петровича Львова, взяли живых. А взятые языки Татаровя в роспросе сказали: пришли-де Крымский хан, а с ним царевичи и мурзы и Татаровя Крымские и Белгородцкие и Нагайские многие люди, и изменник Ивашко Выговской с Черкассы, с Лхи и с Немцы и с Сербы и с Волохи и с Мунтяны со многими же людьми и снарядом; и хотят-де приходить на обозы боярина и воевод князя Алексея Никитича с товарищи всеми силами; и не учиняя-де промыслу над обозы прочь нейти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.